

СМЕШНОЕ И ЛОГИКА

... в нынешней ситуации беспокоит не столько некомпетентность некоторых философских интерпретаций таких известных результатов, как теорема Гёделя, сколько нежелание (или неспособность) многих философов, следуя Сократу, признать всю меру своей некомпетентности.

Яаакко Хинтика (6, с. 36)

Удивительным образом сосуществуют два расхожих мнения, два видения характера логической культуры:

- нет ничего мертвеннее, зануднее, монотоннее и скучнее, чем «логические штудии»: от «Органона» Аристотеля, через затхлость схоластической Schollogik, до сегодняшних лекций по логике предикатов первого порядка;
- нет ничего более достойного подлинно человеческого внимания и искреннего удивления, чем великолепие, фейерверк, калейдоскоп логических забав и шуток: от древних парадоксов и софизмов, через мир Льюиса Кэрролла, до книги Дагласа Хофштадтера (7).

Впрочем, сосуществование этих взглядов столь же объяснимо и естественно, сколь и удивительно: природа смешного легко сочетает в себе притягательность к отталкивающему. Смешное – форма отношения к тому, что пугает своей неестественностью, своей аномальностью.

Нормально ли логическое рассуждение, естественно ли оно для человеческой рассудочной практики? Сегодня, по прошествию века деуниверсализации классической логики, отвечать на эти вопросы стало особенно трудно.

С классической точки зрения, нормой являлось определённое, последовательное и непротиворечивое рассуждение, соответствующее известным классическим законам логики: тождества, исключённого третьего и непротиворечия. Таким образом, осмеянию могло подвергаться изменение значения (подмена), «провал» значения (неведение) или дифракция значений (противоречивость). Причём, отступление от нормы классического рассуждения могло быть:

- паралогизмом, т.е. непреднамеренной, случайной ошибкой, совершённой по оплошности или из-за интеллектуальной немощности;
- софизмом, т.е. «преднамеренной ошибкой», уловкой, предназначенной для несправедливого достижения победы в эристическом споре.

И то, и другое отступление содержат массу возможностей для всей богатой палитры вариантов своего осмеяния: от человеческой глупости до человеческой подлости и от сарказма до грустной иронии.

В этой «идеальной» классификации видов рассуждений недостаёт одного очень важного элемента, анализ которого оказался губительным для претензий классической логики на роль универсального метода. Дело в том, что, если неправильные рассуждения делятся на паралогизмы и софизмы, то правильные, в свою очередь, делятся на непарадоксальные и парадоксальные. Парадокс – результат наличия нескольких правильных рассуждений, базирующихся на одинаковых посылах, но приводящих к взаимоисключающим выводам. Почему парадокс вызывает любопытство и улыбку недоумения, что подлежит осмеянию в данном случае – видимо, сам метод выбора правильных рассуждений, претендовавший на универсальность.

Справедливая критика положений классической логики, зачастую, воспринимается в гуманитарной среде как критика всего логического знания. Но это критика лишь несостоявшейся претензии классической логики на роль универсального метода анализа рассуждений. Современные логические исследования привели к деуниверсализации классической логики и построению различных систем неклассической логики. Но о владении специалистами в социальной сфере средствами неклассической логики говорить пока не приходится, богатое удачами развитие логики в XX в., похоже, интересует только самих логиков.

Предпосылки классической логики (конечности и перечислимость элементов предметной области, обязательное наличие процедуры разрешения, двужначность и чёткость истинностных оценок, непротиворечивость, логическое всеведение и т.д.) являются слишком сильными (ригористическими) допущениями. Современные исследования допускают рассмотрение рассуждений с позиций менее грубых предпосылок. Отказ от допущений, связанных с классическими законами, порождает *неклассические логики*. Среди множества таких систем следует выделить базовые:

- 1) *интуиционистские*, которые отказываются от закона исключённого третьего и от основывающихся на нём косвенных методов доказательства;
- 2) *параконсистентные (паранепротиворечивые)*, которые отказываются от закона непротиворечия и, как следствие, не позволяют выводить из противоречий всё, что угодно.

Другие системы неклассической логики также связаны с отказом от классических законов, но не столь явно: *многозначные (поливалентные)* логики отвергают принцип бивалентности (двужначности); *релевантные* логики отказываются от классического понимания следования и основываются на содержательной зависимости заключения от посылок; *немонотонные* логики предполагают пересмотр следствий при пополнении информации и т.д.

Неклассическая логика является перспективным направлением развития логики, которое не требует упразднения и даже ослабления значимости классического, а является одновременным углублением и расширением области логических исследований. Неклассические средства логического анализа оказываются терпимыми к потенциальной бесконечности объектной области рассуждения, к отсутствию процедуры разрешимости, к принципиальной неполноте или нечёткости данных, к нереализуемости принципа логического всеведения, к наличию противоречий и необходимости работе с ними. Такие ситуации наиболее естественны для рассудочной практики, и пренебрегать в этих случаях возможностями широкого теоретического анализа *релевантных, немонотонных, нечётких* и других неклассических типов рассуждений, необоснованно ограничиваясь областью традиционной логики, значит, расписываться в халатном или намеренном допущении нетрадиционных паралогизмов или изошрённых софистических уловок, разрушающих основания разумности.

В данном случае смешным оказывается неадекватное (намеренное или случайное) использование грубых средств классической логики: необоснованные запреты на многообразие, нелепое ожидание полных данных; требования точного ответа в нечёткой ситуации, или немедленного ответа в неконструктивной ситуации; отказ от принятия решений, бессилие перед противоречиями и др.

Такой неадекватно строгий, «чёрно-белый» (двужначный) подход с давних пор подлежал в культуре осмеянию ничуть не в меньшей степени, чем отклонения от него. Так что же в рассуждении может служить основанием для осмеяния? Отклонения от классических норм породили нормы другого характера, но это не значит, что смешное с одной точки зрения становится адекватным, даже аподиктическим с другой. Смешным являлось и остаётся несоответствие принципов рассудочной практики характеру

анализируемого контекста. Принципы эти не универсальны, они обуславливаются семантическим уровнем принимаемых предпосылок логического анализа.

Опыт философского осмысления положения об основании чрезвычайно богат: Лейбниц, Кант, Хайдеггер и др. (5). Само выражение “Ничего нет без основания” (“*Nihil est sine ratione*”) провоцирует некоторый казус: претендуя на место первого звена в любой цепи обоснования, оно, вопреки собственному заявлению, тем самым лишает себя возможности быть обоснованным. Сложность ситуации усугубляется при рассмотрении вопроса обоснованности логичного рассуждения (т.е. обоснованности самого дискурсивного обоснования чего-либо), хорошей иллюстрацией тому служит знаменитый парадокс Льюиса Кэрролла (3, с. 368-372), на который Д. Хофштадтер обращает пристальное внимание в связи с проблемами автоприменимости: обоснование обоснования (7). Неужели Лейбниц в качестве дополнительного закона логики предложил вариант формулировки парадокса автоприменимости?!! Парадоксальность положения, на наш взгляд, разрешается возможностью разделения уровней обоснования.

Различают следующие предпосылки логических систем:

- *онтологического* характера, связанные с объектами рассмотрения, например, мирами, событиями и др.;
- *гносеологического* характера, связанные с определениями истинностного значения суждений, логического следования и др.

Понимание важности онтологического и гносеологического аспектов проблемы наметилось достаточно давно. По свидетельству Канта, Крузиус указал на различие оснований познания и оснований бытия: “Первый вид основания я называю *логическим основанием*, потому что его отношение к следствию может быть усмотрено логически, т.е. с (полной) ясностью по закону тождества; второй же вид основания я называю *реальным основанием*, потому что это отношение хотя и принадлежит к моим истинным понятиям, однако самый характер его никак не может быть предметом обсуждения” (2, с. 121).

Вопреки кантовскому заявлению, мы оставляем предметом нашего обсуждения и гносеологическую, и онтологическую составляющую вопроса об основаниях логического анализа. Суть этого вопроса в признании сочетания объективного и идеального характера логического знания. Проблема обоснования логического анализа (по крайней мере, в указанной форме) естественным образом нивелировалась бы, будь принципы логики – законами психики, или будь они априорно присущи уму. Но логические формы и законы не есть связи и отношения, имеющие место в мире действительного, они не являются и какими-либо их прямыми прообразами, зеркальными отображениями. Логические структуры не представляют собой также связей феноменов сознания. Они имеют *идеальный характер*, т.к. связывают теоретические объекты, возможность многообразия которых объясняет феномен многообразия логических систем, но они имеют и *объективный характер*, т.к. основывающиеся на них логические выводы обеспечивают истинность заключений при истинности посылок.

В лингвистической форме идея обусловленности способов мышления структурой используемого языка и обусловленности последнего допущениями о познаваемом формулировалась многими исследователями: “дух языка” у Гумбольдта, гипотеза Сепира-Уорфа, “перспектива мира” у Айдукевича, теория языковых каркасов Карнапа и др. Структуры лингвистического и логического характера в естественных языках находятся в сложной взаимосвязи, и по-настоящему удовлетворительной теории их соотношения нет, однако опыт анализа естественных языков, безусловно, является полезным и для формально-логической проблематики.

Рискуя быть не совсем точными в трактовке философской позиции И. Канта, мы, для прояснения философской насыщенности обсуждаемой проблематики, используем известную “критическую” терминологию (1) и соотнесём логический анализ (как вид

дискурсивной практики) с рассудочной деятельностью. Тем самым мы соотносим чистый разум, функция которого заключается в нахождении общего, подчиняющего рассудочную деятельность принципа, с логической семантикой. “Именно логическая семантика как раздел логики, ориентированный на обоснование логических правил и процедур, существенно опирается на теорию познания” (4, с. 4). Вопросы обоснования логического анализа решаются в рамках логической семантики применяемых систем.

Причиной ошибок в рассуждении, таким образом, является некоторая неадекватность (случайная или продуцированная) выбранных предпосылок анализа, тем самым осмеяние этих ошибок приобретает следующие аспекты: идеальный, т.к. сам смех ничего не изменяет, не вмешивается в предметную область); объективный, т.к. парадоксальность, т.е. ограниченность конкретных выбранных предпосылок неизбежна.

1. Володин В.Н., Любутин К.Н., Нарский И.С. От «рассудка» к «разуму» (Кант, Гегель, Фейербах). – Екатеринбург, 1991.
2. Кант И. Соч.: В 6-ти т. – Т. 1. – М., 1964.
3. Кэррол Л. Что черепаха сказала Ахиллу// Кэррол Л. История с узелками. – М., 1985.
4. Смирнова Е.Д. Логика и философия. – М., 1996.
5. Хайдеггер М. Положение об основании. – СПб., 1999.
6. Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики// Логико-эпистемологические исследования. – М., 1980.
7. Хорштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бахб эта бесконечная гирлянда (метафорическая fuga о разуме и машинах в духе Льюиса Кэррола). – Самара, 2001.